

1. Коммуникативные процессы у лиц, пользующихся жестовым языком

Под жестовым языком мы будем понимать разговорный жестовый язык, складывающийся уже в раннем возрасте у глухого ребенка и развивающийся в дальнейшем в процессе общения в коллективе глухих индивидов. Глухой ребенок, растущий в семье глухих родителей, овладевает жестовым языком аналогично тому, как в норме ребенок учится говорить. По своей функции жестовый язык — это прежде всего язык неформальной, непринужденной коммуникации, т. е. язык, по функции аналогичный разговорной речи. Мышление глухого индивида развивается по мере того, как он овладевает жестовым языком и навыками передачи мыслей на жестовом языке. Конечно, глухой ребенок отстает в развитии по сравнению со своими слышащими сверстниками — все-таки его окружает мир звучащей речи, которую он не воспринимает, а значит, он живет в ситуации постоянного дефицита информации. Но между задержками в темпе умственного развития и дефицитностью мышления — разница принципиальная. Как показывают современные исследования, мышление социально адаптированных глухих, включенных в системы социальной коммуникации, не обнаруживает никакой специфической дефицитности [см. 8, 9]. Это, по существу, и означает, что мысль может совершаться в жесте, а не только в слове. Откуда же взялось длительно бытовавшее в литературе мнение о том, что мышление глухих сугубо конкретно, что им трудно формировать обобщающие понятия и абстрактные отношения?

Это представление, как мы полагаем, основывалось на двух разных источниках: а) на наблюдениях над тем, как глухие овладевают словесной речью и какие трудности они при этом испытывают; б) неправильном взгляде на специфику жестового языка с точки зрения его функций: жестовый язык сравнивали с кодифицированным литературным языком, тогда как следовало бы его сравнивать прежде всего с системой разговорной речи [см. 4]. Жестовый язык — не кинетическая копия естественного языка, а символическая система со своими законами; у нее есть черты, свойственные любой коммуникативной системе, — своего рода «коммуникативные универсалии», и есть черты специфические. Интерпретируя ошибки глухих при овладении словесной речью как следствие дефицитности их мышления, забывают, что для глухого овладение словесной речью — задача несравненно более сложная, чем овладение неродным языком для слышащего. И если жестовый язык — символическая система, адекватно обслуживающая потребности социальной коммуникации в коллективах глухих индивидов, то более естественно искать различий не в возможностях передать, например, достаточно высокий уровень обобщения, а скорее в используемых для этой цели средствах. А такие средства различны и в разных естественных языках. Нам, например, не удивляет, что в английском в отличие от русского есть обобщающее слово *tableware*, что по-русски значит 'все, что требуется для того, чтобы накрыть на стол: тарелки, вилки, ложки, ножи, чашки, блюда и проч.', или то, что англ. *pets* по-русски передается только описательно — «животные, которых держат дома для удовольствия».

Действительно, эксперименты, направленные на изучение того, как в жестовом языке передаются обобщенные понятия и абстрактные отношения, обнаруживают достаточно развитую систему передачи соответствующих смыслов.

Так, американские исследователи Ньюпорт и Беллуджи показали, что хотя в жестовом языке американских глухих (American Sign Language, сокращенно — ASL) нет отдельных жестов, передающих смыслы 'мебель', 'украшения', 'фрукты', 'инструменты', но зато существует стандартный способ передачи этих смыслов на ASL. Это наборы жестов, которые образуют, по сути, грамматализованные сочетания. Если мы условно запи-